

Родион Вильневский

Последний бой сержанта

Рассказ о войне

Родион Вильневский

Последний бой сержанта.
Рассказ о войне

«Издательские решения»

Вильневеккий Р. Н.

Последний бой сержанта. Рассказ о войне / Р. Н. Вильневеккий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984103-2

Главный персонаж рассказа «Последний бой сержанта» Михаил Онуфриев не считал себя героем. Трудясь на строительстве Московского метрополитена, он добровольцем пошел на фронт. Будучи командиром разведывательного отделения, а затем минометного отделения, он просто выполнял свой солдатский долг. Михаил Онуфриев в полной мере познал страшный облик войны, теряя боевых друзей и окропляя своей кровью родную землю. Его службу прервало тяжелое осколочное ранение в январе 1942 года.

ISBN 978-5-44-984103-2

© Вильневеккий Р. Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1. Доброволец	8
2. Служба в разведке	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Последний бой сержанта Рассказ о войне

Родион Николаевич Вильневский

© Родион Николаевич Вильневский, 2020

ISBN 978-5-4498-4103-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказ «Последний бой сержанта» написан на основе воспоминаний участника Великой Отечественной войны командира отделения разведки 148-й разведывательной роты, а затем командира отделения минометного взвода 763-го полка 114-й стрелковой дивизии 7-й Отдельной армии сержанта Михаила Степановича Онуфриева (1912—1986).

Автор выражает горячую признательность своим коллегам за замечания при написании рассказа (в электронном виде рассказ представлен на литературном портале proza.ru).

Автор также считает своим долгом поблагодарить за помощь в предоставлении архивных материалов сотрудников Военно-Медицинского музея Министерства обороны РФ, Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), Государственного архива Иркутской области (ГАИО), ГКУСО «Государственный архив документов по личному составу Свердловской области», архивного отдела города Бийска Алтайского края и объединенного архива ОАО «Московский метрострой».

Трудности – это не
наказание за прошлое, а
испытание ради будущего.
Омар Хайям

«...После успешного проведения намеченных исследований и выполнения программы полета 12 апреля 1961 года в 10 часов 55 минут московского времени советский корабль «Восток» совершил благополучную посадку в заданном районе Советского Союза.

Летчик-космонавт майор Гагарин сообщил: «Прошу доложить Партии и Правительству, что приземление прошло нормально, чувствую себя хорошо, травм и ушибов не имею...» (материал из газеты «Правда» от 13 апреля 1961 года).

Пролог

12 апреля 1961 года. Успенское кладбище, город Березовский, Свердловская область

Ирония судьбы! В то время как все советские люди отмечали полет Юрия Гагарина в космос, в семье диспетчера шахтного подземного транспорта шахты «Южной» (1) Онуфриева Михаила случилась трагедия! Ошибка врача Березовской центральной городской больницы стоила жизни его любимой спутнице жизни! Терапевт посчитала, что у Галины банальное ОРВИ. А на самом деле: менингит!

Погибла любимая Галя, жена, мать двух ребятишек!

Руководство рудника предоставило на похороны пассажирский автобус «ЛАЗ-695», грузовую автомашину «Урал-375», оркестр для траурно-торжественной церемонии, металлический памятник. В последний путь проводить Галину пришли ее сослуживцы и коллеги Михаила: Виктор Устюжанин, Сергей Вершковский, Люба Возчикова, Аня Вельк, Ольга Викторова, Коля Ведерников, Михаил Вагинский и многие другие.

Траурная процессия прошла 900 метров пешком от осиротевшего дома по улице Строителей до места погребения.

Шурша зелеными резными листьями, тонкие и гибкие ветви берез колышутся в порывах прохладного ветра. Лучи яркого весеннего солнца мягким светом поблескивают на их гладкой поверхности. Собравшись в дружную компанию, прекрасные березки создали по-настоящему светлый уголок.

«В добром месте будет лежать Галя!» – печально подумал Михаил.

Он стоял у гроба рядом с краем вырытой могилы, горестно поникнув головой. Нежно обнимая правой рукою с протезом дочку Наташу (одиннадцати лет) и сына Колю (девяти лет), жавшихся к нему, целой левой рукой отец непрерывно утирал горькие слезы, капавшие из глаз. Дети еще не понимали всю боль утраты родного человека. Это осознание придет к ним значительно позже...

Галя умерла в 38 лет. Жизнь жестоко повторяется: в таком же возрасте ее отец Алексей Иванович и мать Екатерина Осиповна трагически погибли от воспаления легких в 1933 году в поселке Азанка Тавдинского района. И в течение 6 лет, начиная с 1933 года, вместе со старшим братом Николаем, Галя воспитывалась в Верхне-Тавдинском детском доме. С десяти лет Галина хлебнула горя, оставшись без родителей, вдвоем с братом, павшим на фронте в феврале 1943 года. Эта трагедия отразилась на ее характере: была она немногословной, строгой в воспитании детей, но в то же время веселой и умницей-рукодельницей: увлекалась вышиванием, кройкой и пошивом одежды.

Потом последовала учеба в ремесленном училище в Тавде, работа в ремонтно-строительной конторе в Свердловске (2), трудовая деятельность счетоводом-кассиром, бухгалтером, машинисткой промышленной разведки рудника имени Кирова. Здесь и познакомилась Галина с заведующим квартвочной площадки шахты №531 рудника имени Кирова Михаилом, и в дальнейшем, связала с ним свою недолгую жизнь.

Старший брат Илья, коснулся правого плеча Михаила, и произнес кратко:

– Крепись, Миша! Тебе ребятишек растить!

Сердечная боль отразилась в искаленной правой руке Михаила.

Михаил, инвалид 2-й группы, работающий с протезом на шахте, вспомнил свой последний бой на фронте. Этот бой оказался не последним серьезным испытанием в его жизни. С этого момента ему предстоит одному воспитывать детей, сделать так, чтобы они выросли достойными людьми! Не будет для него больше никого, кроме Гали, красивей и желанней!

1. Доброволец

(за двадцать лет до гибели жены)

22 июня 1941 года, Москва

В то время мне, Михаилу Онуфриеву, насчитывалось тридцать лет от роду: черноволосый и кареглазый, среднего роста крепыш-тулунчанин (3), не пьющий и не курящий.

Еще в 1929 году я переехал в Москву и принял активное участие в строительстве московского метро, работал и диспетчером, и путейцем.

Ядро «Метростроя» (4) составляли комсомольцы, мобилизованные с московских предприятий районными комитетами партии и комсомола. Мы отличались высокой мотивацией и старались ударными темпами строить метрополитен. Молодые, горячие парни и девчата – решительные, честные, с горящими задором и энтузиазмом глазами. Не стоит, впрочем, думать, что мы обитали в идеальных условиях. Нашим домом служили переполненные бараки (я проживал по адресу: Фильский проезд, городок Метро, барак №5, кв. 17). Однако, жили мы дружно, весело и интересно (участвовали в самодеятельности, в различных кружках и секциях).

В этот день я – кессонщик-проходчик третьего участка шахт №1—2 Московского метрополитена, в составе бригады занимаюсь установкой крепи и прокладкой рельсового пути. Во время обеденного перерыва, наш бригадир сухопарый Кондрат Ехамов взволнованно сообщил:

– Парни! Только что по радио выступил Молотов (5). Война! Немцы напали на нас!

Через два дня мы с приятелем Колей Гилевым обратились в Киевский районный военкомат Москвы с просьбой отправить нас на фронт (практически все комсомольцы горели таким желанием). Коля отбракован из-за медицинских противопоказаний (хромоты), а я успешно прошел медкомиссию.

Не впервой я вызываюсь добровольцем. В далеком августе 1936 года вместе с лучшим другом Сергеем Брызгаловым мы хотели поехать сражаться с испанскими фашистами.

Знакомство с Сергеем я завязал на фоне совместного увлечения футболом в 1933 году. Благодаря дружбе с ним, я увлекся парашютным спортом, стрельбой и тяжелой атлетикой. Рассказчик от бога, любитель остроумных, но осторожных анекдотов, статный, мускулистый и широкоплечий Сергей работал токарем на заводе «Динамо». В Испанию взяли только его. Может быть, из-за его отличных навыков водителя танка «Т-26» (6) (на нем он проходил службу в армии). А может быть и не только... В моем присутствии, при расспросах сотрудника военкомата, он сыпал веером технических терминов, ярко и увлеченно говорил о приме-

нении танка в различных боевых условиях... Морем через Картахену с паспортом гражданина Швейцарии на вымышленное имя Сергей с группой наших военных специалистов добрался до места назначения.

В июле 1937 года он приезжал в отпуск. Привез мне в подарок испанские рубашки и апельсины. Апельсины – невиданная роскошь для того времени. Серж много рассказывал о танковых боях, испанских обычаях и людях. После этой встречи мы больше не виделись. Только в 1940 году до меня дошли печальные вести о его героической гибели в бою...

Военком, узнав, что я – член Осовиахима (7), хороший спортсмен (награжден знаками «Ворошиловский стрелок» и «Отличник ГТО»), комсомолец с 1933 года, яро горю сражаться за Родину, и внимательно изучив положительные отзывы с работы, мое личное дело, после недолгих колебаний направил меня в учебный лагерь разведки, расположенный на станции Сходня под Москвой.

Прибыв к месту назначения, я предъявил дежурному по лагерю справку, выданную 29 июня 1941 года Киевским РВК Москвы, о направлении меня для прохождения курса обучения (8).

Здесь в сжатые сроки (за две недели) меня с другими слушателями обучали всему, что может пригодиться в разведывательной деятельности: стрельба, радиодело, топография, прыжки с парашютом, вождение автомашин и основы конспирации. Между прочим, находилось в лагере около полутора тысяч человек различных национальностей – русские, поляки, чехи, румыны, испанцы и другие.

И конечно, наивно говорить о полноценном обучении в столь короткое время. Настоящая боевая учеба начнется для меня на фронте в разведывательной роте (9)...

2. Служба в разведке

Службу я начал проходить в 148 отдельной разведроте нашей 114-й дивизии, которую 9 октября 1941 года перебросили в Ленинградскую область (11) ... Разведка во все времена – интересна, разнообразна и опасна, раскрывает таланты и способности человека.

В роте по штату – 120 человек, делившихся на три взвода. Разведкой дивизии командовал майор Станислав Чагаев, серьезный командир (12), никогда не позволяющий себе грубых слов; ротой – мой «зёма» (13) одногодок интеллигентный капитан Иван Московский (14), отчаянный смельчак. К нам он относился очень доброжелательно. Я попал во взвод толкового и смелого лейтенанта Михаила Крыцына (ранее командовавшего взводом пешей разведки 763-го стрелкового полка), слегка безалаберного и бесшабашного.

В поиск у нас ходили все разведчики, кроме грузного старшины роты Василия Николаевич Киселева по прозвищу «Коляныч», нашего доброго «ангела-хранителя и кормильца» и повара сержанта Насти Патока, грациозной девушки лет двадцати пяти.

Политработники нашей дивизии в большинстве своем были храбрыми, решительными людьми. Яркий пример тому наш энергичный политрук Федор Сидоченко, очень умный, хороший полтавец, имевший на нас большое влияние. Он наравне с нами ходил в поиски, умел поддержать дух разведчиков в трудную минуту: понимал, что мы действительно хотим услышать и какие слова способны всколыхнуть наши сердца. Образцом мужества служил и батальонный комиссар (15) 763-го полка Терешин. Он, находясь на передовой линии обороны полка с 16 по 24 декабря 1941 года, воодушевлял бойцов, рассказывая об успехах наших войск на Юго-Западном фронте. Невзирая на плотный пулеметный и минометный обстрел противника, своим примером увлекал бойцов в атаки. Под его умелым руководством разгромлены два батальона финнов в районе населенных пунктов Тивгозеро и Гора. Потери убитыми составили до 400 солдат и офицеров противника...

На пополнение к нам присылали разведчиков из полковых разведвзводов нашей дивизии, много парней приходило после госпиталей из других дивизий, принимали добровольцев с боевым опытом и потом обучали.

В ходе боевых действий наша рота превратилась в единый сплоченный и дружный коллектив, все любили Советскую Родину и были готовы биться за нее до конца.

В первых боях я мигом разобрался «почем фунт лиха» в разведке. Своими потом и кровью учились... балансируя на тонкой грани между жизнью и смертью. Честный рассказ каждого разведчика о своей службе нелицеприятен, мягко говоря. Нам часто приходилось врага не из пистолета-пулемета убивать, а резать финкой (16) и душить руками... За простой фразой – «я снял часового» или «мы без шума обезвредили охрану» стоит чья-то пролитая кровь, прерванная жизнь...

Иногда разведчики рвались на минах, но основные причины гибели:

– поражение огнем противника (финнов или немцев) при отходе к своим позициям или прямо перед вражескими траншеями в ходе обнаружения;

– ловушки, организованные врагом: сознательно, без боя, пропускали нашу разведку в свой тыл и там вырезали, или пытались взять в плен.

В первые недели службы после проведения операций, у меня всегда к горлу подкатывал вязкий комок, начинало тошнить, сердце пыталось вырваться из грудной клетки сквозь ребра и кожу, словно пойманная птица, а в ушах нестерпимо пульсировало. Только огромным усилием воли я преодолевал себя. А по ночам часто просыпался от жутких кошмаров в холодном поту...

В задачи и обязанности разведроты входило по приказу:

– ведение наблюдательных постов перед передним краем дивизии и по флангам;

- несение службы на сторожевых заставах;
- разведка боем, когда разведчики движутся вместе с пехотными подразделениями и выявляют огневые точки противника, захватывают документы, образцы оружия, зазевавшихся солдат противника;
- проведение поиска – скрытный подход к заранее намеченному и изученному объекту противника, внезапное нападение на него и захват «языка», документов, образцов вооружения и снаряжения;
- иногда ночной рейд на передний край противника в надежде захватить «языка» на глубину обороны батальона противника по приказу командира дивизии.

А занимались всем подряд – не перечислишь! – от форсирования рек и удержания плацдарма к подходу основных сил, до заготовки дров и обеспечения продовольствием штаба дивизии.

Нас кормили по норме №1 продовольственного снабжения (17), как красноармейцев и начальствующий состав боевых частей фронта. Правда, эти нормы довольствия не всегда соблюдались. Часть продуктов не доходила не только до нас бойцов, но и порой до командиров.

Сидоченко поведал нам, что часто причиной недостаточного питания красноармейцев и командиров являются злоупотребления тыловых служб: так, в октябре 1941 года установлены крупные недочеты в расходовании, хранении и учете продовольствия и фуража в соединениях и частях Карельского фронта. Начальник административно-хозяйственного отдела 7-й армии старший лейтенант интендантской службы Звягинцев и его заместитель техник-интендант 1-го ранга Казанцев (18) выдали сверх норм на питание личного состава штаба армии 755 кг хлеба, 54 кг сахара, 250 кг консервов, 132 кг печенья, 69 кг жиров. Оба преданы суду военного трибунала.

Вспоминаю, как бодро я писал брату Илье 10 сентября 1941 года: «Илья... наш военный паек очень хорош: в день полагается 900 грамм хлеба зимой и 800 грамм летом, 170 грамм крупы, 150 грамм мяса, 35 грамм сахара... питаемся лучше, чем в нашей столовой Метро-строя...».

Приведу несколько причин моего преувеличения: во-первых, я хотел успокоить брата относительно своего положения, во-вторых, еще с детских лет привык «затягивать пояс» оставшись сиротой после смерти бабушки Кати (19), а в-третьих, наши письма просматривались военной цензурой (20), и меня бы точно «наградили» наказанием за реальное описание фронтового быта.

Наш рацион питания от случая к случаю пополнялся боевыми трофеями, когда удавалось захватить походные кухни противника, запасы продовольствия на складах, финские и немецкие машины, повозки с продовольствием. Все сдавалось старшине роты «Колянычу» в «общий котел»; безвозмездно отдавали часть продуктов знакомым ребятам-пехотинцам.

С удовольствием мы поедали трофейный вкусный концентрат для приготовления горохового супа, немецкий шоколад в круглой жестяной баночке, австрийский шоколад для вермахта в 50-ти граммовой пачке, леденцы, сухие хлебцы (21), консервированное молоко и колбасу.

Некоторые продукты вызывали удивление, например, консервированный хлеб (22) в 400 граммовых банках.

В нашей роте командиры питались наравне с сержантами и бойцами из походной полевой кухни. Пища получалась непривлекательной, но вкусной: суп или щи, каша (греча с мясом) или тушеный картофель на второе, да чай. За это мы все любили и берегли нашего повара Настю. Один раз в месяц командирам выдавали положенный дополнительный паек: «банку консервов (обычно в томатном соусе), пачку печенья, кусок масла или сала грамм 300—400» и они делились с нами, разведчиками. Мы вместе дневали и ночевали, в буквальном смысле плечом к плечу шли на смертельные операции.

Отдельно упомяну про прогремевшие «наркомовские 100 грамм» (23). На фронт нам привозили спирт, а не водку: «Колянч» доводил уже до нужной пропорции. В нашем взводе подобрались все «трезвенники» (водку и махорку, кто не курил, мы меняли на продукты). Единственные исключения: употребляли по 50 грамм за тех, кто «покинул» нас после операции и отмечали награды друзей...

Осенью 1941 года наша дивизия жутко голодала. Немецкие войска захватили город Тихвин, перерезав дорогу снабжения нашей 7—й Отдельной армии Карельского фронта и угрожая прорывом в её тыл. Приходилось паек в 120 граммов сухарей растягивать на сутки. Бойцы поедали павших от бескормицы лошадей, по ночам пробирались на нейтральную полосу за снопами гороха, пшеницы и ржи, стоявшими в копнах. Употребляли в пищу и сосновые шишки, желуди, заболонь (24) сосны и березы в сыром и вареном видах. Для корма лошадям заготавливали березовые веники и парили их.

Особенно трудно приходилось «курякам» (25): они очень мучились, запросто меняли, и хлеб и водку на махру (26). А если нет махорки? Как могли, так и выходили из положения. Например, конский помет, который уже года два валялся, перегнил, иголкой набирали, заворачивали и тянули, курили. «Табашников» мы и ругали, и по лицу били, чтобы отучить.

Наш командир дивизии (27) посылал разведроту на армейские склады за сухарями и тушенкой. Мы несли в своих вещмешках продукты для штаба дивизии, пройдя через лес и реку тридцать километров. Однажды в таком «походе» наш взвод на обратном пути съел несколько десятков сухарей и пять банок тушенки. Так нас за эту провинность чуть не расстреляли. Весь взвод уже выстроили «у стенки», но приказа на расстрел комдив полковник Девятков (28) все же не дал...

Грамотный командир понимал, что без опытных разведчиков трудно воевать. Я сейчас так спокоен... А тогда мне привелось пережить одни из самых мрачных минут в своей жизни: братья-бойцы комендантской роты, наши друзья-сослуживцы обезоружили нас и ждали только команды...

В этот период часть красноармейцев дивизии погибла от истощения и вызванных голодом болезней...

Финны регулярно устраивали засады и захватывали в плен наших бойцов. Например, 8 ноября 1941 года трое красноармейцев 536-го полка (29) нашей дивизии мои земляки Сергей Пашков и Гавриил Дмитриев (фамилию третьего бойца и откуда родом не припомню) направлены командиром отделения на базу снабжения батальона в семи километрах (30) от места его обороны. Приказано вернуться в 14.00. По возвращении, не доходя полутора километров до деревни Ладвозеро у одноименного озера, они подверглись нападению финнов и захвачены в плен (31).

Поведаю о следующих скорбных страницах в летописи Великой Отечественной войны:

– о несчастных случаях: 19 октября 1941 года задавлен трактором при передвижении батареи красноармеец 480-го гаубично-артиллерийского полка земляк Николай Саламатов (32);

– о случаях дезертирства: 22 октября 1941 года само-вольно покинул расположение части красноармеец 363-го стрелкового полка земляк Николай Шашура, пойман и по приговору военного трибунала расстрелян (33);

– о лишении свободы (8 лет лагерей): 23 октября 1942 года за паникерство и отход с боевой позиции суд военного трибунала вынес приговор моему земляку командиру отделения 405-го артиллерийского полка сержанту Александру Богданскому (34);

– о работе финских снайперов: 26 октября 1941 года при передвижении на наблюдательный пункт «кукушкой» убит красноармеец 480-го гаубично-артиллерийского полка Иван Тутыкин (35);

– о расстреле за невыполнение боевого приказа: 11 ноября 1941 года командир полка (называть фамилию не буду) за отказ подняться в атаку из табельного оружия (пистолета «ТТ») расстрелял на месте двух земляков младшего сержанта Романа В. и красноармейца Якова У. В адрес родственников направлены извещения о смерти со стандартной формулировкой: «... в бою за Социалистическую Родину погиб 11 ноября 1941 года...» (36);

– о переходе на сторону врага: 15 декабря 1941 года пять красноармейцев 536-го стрелкового полка Юрий В., Сергей Е., Василий Р., Федот К. и Антон М. перешли линию фронта с оружием в руках и сдались финнам (37).

Факторов, приводящих к измене Родине, насчитывалось несколько:

– антисоветские убеждения;

– боязнь гибели на фронте, либо мнимое представление о грядущей победе врага на фоне его стремительного продвижения, либо стремление пробраться к своим семьям на территории, временно занятые противником...

Первое время я и остальные разведчики ходили в обмотках с ботинками, постепенно все обзавелись трофейными кожаными сапогами (сапоги в начале войны выдавались только командирскому составу (38)). В плане быта нам всегда легче, чем пехотинцам. Разведрота в обороне дислоцировалась вблизи штаба дивизии. Организовать помывку в бане или стрижку для разведчиков было делом немудреным. В окопах мы мерзли только во время подготовки к поискам...

Напомню основные принципы деятельности разведчика:

– хороший разведчик должен обладать психологической устойчивостью. В очень сложные и ответственные моменты не бросаться в панику. Часто неопытные погибают, потому что они раньше ударяются в панику, их первыми замечают и уничтожают. И потом нужно привыкнуть к мысли, что в любой момент тебя могут убить. Свыкнуться с ней. Если ты думаешь, как бы выжить, ты уже на пути к провалу операции. Главное – выполнить задание, о своей жизни не думать и себя не жалеть;

– разведка – это глаза и уши полка, дивизии, корпуса и далее. Грамотная постановка боевой задачи и ее выполнение требуют своевременного изучения местности для выполнения определенных поставленных задач. Там, где разведчики пренебрегали изучением местности, не всегда удавалось решить поставленную задачу или решать в ограниченном объеме;

– ни в коем случае не оставлять врагу своих раненых и убитых; разведка погибает, но в плен не сдается!

С горечью констатирую, что вышеуказанные тезисы наглядно нарушены в моем последнем разведывательном поиске!

Ясно помню до сих пор все перипетии, как будто трагические события произошли вчерашней ночью! Мы оставили убитого ефрейтора Павла Серкова в немецкой траншее, при следующих драматических обстоятельствах.

Конец октября 1941 года. От комдива поступил приказ взять «языка», не считаясь ни с чем, с целью получения точных данных о численности и дислокации 5-го армейского корпуса финской армии с приданными частями вермахта. По своему опыту отмечу, что финны по сравнению с немцами в основной своей массе слабее подготовлены и вооружены, отличались менее высокой боеспособностью, дисциплиной и моральным духом.

Заранее наметили огневую точку, в которой мы решили изловить финна.

Перед поиском командир разведроты капитан Московский отдает традиционный приказ о сдаче документов и медальонов (39) старшине «Колянчычу».

Иногда мы брали в поиск, помещая в карман гимнастерки, как талисман-оберег свой первый нагрудный знак, свою первую награду, невзирая на приказ. Однажды знак «Ворошиловский стрелок» спас меня от смерти. Осколок гранаты, летевший прямо в сердце, покоре-

жил знак и изменил свою траекторию полета. Отметина на знаке напоминает мне о том «веселом» дне.

Группа, выделенная для проведения поиска, разбита на три части:

– подгруппа захвата – четыре человека (ведомый – командир разведзвода лейтенант Михаил Крыцын, я – самый опытный (40) из командиров отделений, рядовой Иван Румянцев, и рядовой Павел Серков, прибывший буквально две недели назад на пополнение);

– подгруппа прикрытия – шесть человек (старший группы – сержант Александр Староверов). В задачу группы входит подавить вероятный огонь противника, любой ценой прикрыв наше возвращение. После отхода на 150 метров от переднего края обороны финнов командир звзда подаст сигнал полковым батареям;

– подгруппа разграждения – четыре сапера из саперного батальона.

Для огневого обеспечения поиска выделены: артилле-рийский дивизион, батарея полковой артиллерии 76-мм полковых пушек (4 пушки), шесть 82-мм минометов и два станковых пулемета Максима. Огневой группой командует начальник артиллерии 763-го полка майор Непшин (41). На НП 2-го батальона находятся командир разведроты Московский и наш жилищный санинструктор сержант медицинской службы Кузьма Примак.

Действиями разведывательной группы и поддерживающих подразделений руководят начальник разведки дивизии майор Чагаев и начальник артиллерии дивизии полковник Беляев (42). Управление разведкой и приданными средствами осуществляется по телефону и радиостанции.

У восьми разведчиков – пистолеты-пулеметы Дегтярева, у двух – трофейные немецкие «МР-40», обмотанные бинтами, с запасными «пряниками» и «рожками» (43); у каждого граната «РГД-33» и финка в ножнах на поясных ремнях, пистолет «ТТ» с патроном, досланным в патронник. На запястья застегиваем часы и компасы, прикрывая рукавами маскхалатов; осматриваем ракетницы. На ногах надеты немецкие кованые сапоги с граненной стальной подковой по ободу каблука. Чтобы голенищами сапог не зачерпывать грязь, штанины маскхалатов натягиваем на сапоги.

Последовал приказ Крыцына:

– Попрыгали на месте!

Он внимательно прислушивается к нашим прыжкам.

Для улучшения зрения в ночных сумерках облучаем глаза красным светом сигнальных фонариков и съедаем по два кусочка сахара. Настало время двигаться.

В полночь мы выбрались из окопов 2-го батальона 763-го полка.

Предполагалось, что будем выходить к себе на участке обороны 1-го батальона. Заместитель командира 1-го батальона старший лейтенант Берестовой (44) предупредил об этом командиров всех стрелковых рот обеих батальонов. Мглистая ночь – хоть глаза выколи, была холодной, ветреной; накрапывал мелкий дождик, увлажняя наши плащ-палатки.

Финские осветительные ракеты изредка «лопаются пузырями» то в одном, то в другом месте. Мимо нашего боевого охранения, в перерывах между вспышками, след в след, пригнувшись, кое-где и ползком, подходим к берегу группой в 14 человек и форсируем реку на лодке «А-3» (45). Мы медленно гребем, избегая резких движений, практически без всплеска, плавно опуская весла в воду. Я тщето напрягаю зрение, вглядываясь в темноту: кроме блеклых за пеленой дождя вспышек ракет, ничего не разглядишь. Еще немного – и днище карябает песок. Складываем весла, а два разведчика, сидящие на переднем опорном шите, легко спрыгивают за борт и с усилием подтягивают лодку к берегу.

Пару минут неподвижно вслушиваемся, всматриваемся. Капли дождя мягко шлепают по водной глади, касаются пожухлой травы, стекают по намокшим плащ-палаткам. Рядом слышу равномерное дыхание Крыцына: ему хоть бы хны, а у меня сердце екает. Ничего подозрительного...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.